

В бесеседке, стоило Дуань Чуньхуэю уйти, остались лишь Лоу Цзинъюй и Инь Шии.

Увидев, что Лоу Цзинъюй взял мазь и собирается сам смазать ему раны, Инь Шии испуганно подскочил на месте.

Как, как можно позволять господину прислуживать себе!

— Господин, подчинённый сам справится, — произнёс он, пытаясь перехватить баночку с мазью.

Лоу Цзинъюй посмотрел на его бледное личико, на котором отразился искренний страх и трепет, но настаивать не стал, лишь слегка огорчился.

— Хорошо, тогда Шии помажет сам.

Едва замолкли эти слова, как слуга принес донесение с просьбой вернуться во Дворец Цанлань для обсуждения дел.

Лоу Цзинъюй равнодушно произнёс «угу», однако с места не сдвинулся, ожидая, пока Инь Шии как положено закончит мазать раны, и лишь после этого поднялся.

Инь Шии послушно сидел на каменном табурете, положив руки на колени, его бледные губы были слегка сжаты, а холодные, красивые глаза то ли хотели смотреть на него, то ли не смели делать это открыто.

Еще больше похож на маленького кролика.

Такой осторожный взгляд заставлял сердце Лоу Цзинъюй таять.

— Вернувшись, не забудь смазать и колени, — Лоу Цзинъюй всё же не удержался, поднял руку и легко потёр щеку Инь Шии подушечкой большого пальца. Кожа оказалась такой нежной и гладкой, что ему не хотелось отрывать руку, а сам жест был пропитан нежностью.

Инь Шии кивнул, разумеется, не смея ослушаться, и в то же время чувствовал себя польщённым столь трепетной заботой господина.

Убедившись, что тот всё понял, Лоу Цзинъюй удалился, в душе тяжело переживая разлуку — ему хотелось взять Инь Шии с собой, но он боялся, что подобная близость заставит того чувствовать себя скованно, поэтому мог лишь сдерживаться.

Что ж, закончит дела и сразу вернётся к Шии.

Дворец Цанлань служил личными покоями Лоу Цзинъюя. Возведённый по строгим канонам архитектуры, он поражал величественным размахом: главный зал делился на внутренние и внешние покои, имелись также боковые флигели и кабинет. Убранство и планировка каждого уголка отличались изысканностью, но при этом не казались чрезмерно роскошными.

Когда Лоу Цзинъюй переступил порог Дворца Цанлань, дядя Цзян, один из управляющих секты, уже ждал его у входа в кабинет.

— Глава, до меня дошли слухи, что сегодня брат и сестра из клана Цзи чем-то вас рассердили. Могу ли я узнать причину? Отношения между Сектой Чиян и их кланом всегда были вполне

сносными, почему же сегодня произошёл такой разрыв?

Дядя Цзян уже перешагнул рубеж сорока лет и, можно сказать, наблюдал за тем, как рос Лоу Цзиньюй. Он всегда хранил преданность Лоу Цзиньюю и Секте Чиян, и задавал этот вопрос из искреннего беспокойства за секту, ведь Секту Чиян и клан Цзи до сих пор связывало сотрудничество.

Лоу Цзиньюй, восседавший на главном месте, презрительно усмехнулся:

— Вполне сносными? По-моему, клан Цзи просто мастерски притворялся, раз мы столько лет не замечали их скрытых злонамеренных замыслов.

Дядя Цзян сильно изумился, у него даже задрожала борода, и он торопливо спросил:

— Тогда как же быть с сотрудничеством с кланом Цзи? В конце концов, он нужен нам для получения сведений при дворе.

Лоу Цзиньюй покачал головой: одной рукой он выводил кистью какие-то иероглифы, а другой продолжал:

— Мой отец ещё в юности порвал с кланом Цзи и, пройдя через бесчисленные трудности, основал Секту Чиян, в которой нет и половины заслуги этого клана.

Лишь когда Секта Чиян прогремела на весь Цзянху, клан Цзи примазался к нам. Отец, помня о скудных кровных узах, поручил им это дело, за десятки лет осыпав несметными благами, но их аппетиты оказались слишком велики — они забыли, кому на самом деле принадлежит Секта Чиян.

Я не хочу распространяться о том, кто извлекает больше выгоды из этого сотрудничества: бесчисленное множество людей в Поднебесной жаждет завязать знакомство с Сектой Чиян. Это не я навязываюсь им, а они умоляют меня об этом.

Слова Лоу Цзиньюя были сущими. При нынешнем авторитете Секты Чиян и его собственной силе желающих выполнять эту работу найдётся предостаточно, так зачем цепляться за клан, который ему претит.

Выслушав его объяснения, дядя Цзян всё понял:

— Глава прав, этот старик всё понял.

Лоу Цзиньюй кивнул, положил волчью кисть на фарфоровую подставку и добавил:

— Впредь не называй клан Цзи главным родом. Мой отец сменил и имя, и фамилию, отбросив фамилию Цзи, так какой же это главный род? Больше не используй это слово, а сотрудничество с ними прекрати.

— Слушаюсь, — отозвался дядя Цзян и, удалившись, сразу же отдал соответствующие распоряжения. С этого момента между кланом Цзи и Сектой Чиян не осталось ничего общего.

— Ин Сань.

Стоило Лоу Цзиньюю позвать, как Ин Сань появился в кабинете и опустился на одно колено, отдавая честь:

— Господин. Докладываю господину: брат и сестра из клана Цзи уже доставлены в Зал Наказаний и находятся под стражей. Командующий Цзян Янь лично ведет допрос.— Угу, я понял. Отнеси этот лист Цзян Яню и вели ему допрашивать со всем тщанием, следуя тому, что здесь написано.

Лоу Цзиньюй протянул только что исписанный листок. На нём было перечислено несколько способов, которыми клан Цзи в его прошлой жизни пытался от него избавиться. Этим он хотел напугать брата и сестру из клана Цзи, заставив их поверить, будто их коварные замыслы раскрыты до конца — лишь тогда они станут говорить правду.

Пока он разбирался с этими мелкими делами, совсем стемнело. Время ужина давно прошло, и старшая служанка Дворца Цанлань, Миньюэ, пришла осведомиться, не желает ли господин трапезничать.

Пережив перерождение и вернувшись на три года назад — в то время, когда Инь Шии был ещё жив, — Лоу Цзиньюй не находил себе места от бурных эмоций. Его переполняло возбуждение, ему хотелось ежесекундно видеть Инь Шии рядом, какая уж тут еда.

Услышав вопрос, Лоу Цзиньюй махнул рукой и снова направился в беседки у заднего озера, но Инь Шии там уже не было.

— Где обычно находятся Теневые стражи, когда у них нет заданий? — спросил Лоу Цзиньюй у Ин Сы.

— Отвечая господину, обычно они отдыхают в боковом зале Павильона Тьмы, это их жилые помещения.

Тогда Ин Сы вызвался проводить Лоу Цзиньюя. Всю дорогу тот думал: зажили ли раны Инь Шии? Поужинал ли он?

С мыслями об этом Лоу Цзиньюй тут же пожалел, что не взял Одиннадцатого с собой во Дворец Цанлань поужинать. Он прикинул, что у Теневых стражей еда вряд ли отличается разнообразием, иначе с чего бы Инь Шии и в прошлой жизни, и в этой был таким худым.

За такими размышлениями они быстро добрались до места.

Боковой зал Павильона Тьмы был просторным и насчитывал множество комнат. Вот только сами комнатухи оказались крошечными: помимо кровати, там помещались лишь шкаф да стол со стульями — словом, спартанская обстановка.

Подойдя к двери Инь Шии, Лоу Цзиньюй уже собрался толкнуть её, но, помедлив, опустил руку. Скрыв ауру, он аккуратно приоткрыл щёлочку в бумажной оклейке окна, превратившись на мгновение в бесстыдного воришку.

Шедший позади Ин Сы от удивления едва не опешил. Это... это точно их гордый, отрешённый от мирской суеты и поступающий всегда по собственной воле Глава секты? С каких это пор он опустил до столь вороватых привычек?

Однако Лоу Цзинъю было всё равно, что думают другие — он смотрел на происходящее с полнейшим удовлетворением. Ему посчастливилось прийти вовремя: Инь Шии как раз находился внутри. Инь Шии сидел за столом и что-то писал кистью, выглядя так, будто трехлетний ребенок впервые учился выводить буквы и столкнулся с величайшей угрозой. Лицо его выражало крайнюю сосредоточенность, а брови взметнулись — одна выше другой, чего он даже не замечал.

Его черный подтянутый походный костюм еще не был сменен, только тугой конский хвост распустился, и три тысячи прядей черных как смоль волос водопадом спадали на спину. Несколько непослушных локонов упали на лицо, а на их фоне белизна кожи казалась еще более разительной. Время от времени он упирался подбородком в тупой конец кисти, и присущая юношам незрелость проявлялась лишь тогда, когда он оставался совсем один.

Инь Шии не ощущал чужого присутствия. Внутренняя сила Лоу Цзинъюй была непостижима и глубока, и если тот намеренно скрывался, заметить его было невозможно, а Ин Сы находился достаточно далеко. Поэтому Инь Шии со спокойной душой сосредоточил все внимание на лежащей перед ним бумаге, выводя иероглиф за иероглифом:

Двадцать седьмое число четвертого месяца. Посчастливилось увидеть хозяина у заднего озера. Хозяин прекрасен по-прежнему, суров и пленителен, а его властное давление стало еще сильнее. В широких черных одеждах, равных ему нет в целом мире, он поистине прекрасен, как нежный нефритовый древесный побег на ветру...

Хвалебные слова в адрес Лоу Цзинъюй заняли целых полстраницы.

Хозяин великодушен и милосерден, проявляет заботу о подчиненных и не стал строго взыскивать за сегодняшний проступок...

Прикосновение кожи... хоть я и преисполнен страха и трепета, сердце мое не унять. Я чувствую вину, чувства мои неизъяснимы, я не смею и помышлять о луне, но буду вечно беречь и ценить сегодняшний день, не забывая о нем до конца своих дней...

На самом деле, после того как Лоу Цзинъюй ушел из беседки, Инь Шии отправился в Зал Наказаний, чтобы добровольно предстать перед командиром, признать вину и понести наказание. Он по-прежнему считал, что справился со своими обязанностями скверно, и если бы не появление хозяина, ему наверняка не удалось бы разобраться с братом и сестрой из клана Цзи.

Он всю вину взял на себя.

Однако Цзян Янь заметил неладное и заставил его в мельчайших подробностях рассказать обо всем, после чего лишь произнес:

— Раз хозяин сказал, что ты невиновен, значит, и наказания не требуется.

Инь Шии пришлось вернуться назад. У него как раз выдалось свободное время, чтобы заняться записками, из-за чего Лоу Цзинъюй и смог его отыскать.

<http://bllate.org/book/22235/2322308>